

С. Аксаков

Избранные стихотворения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С11

С11 **С. Аксаков**
Избранные стихотворения / С. Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-3333-6

В истории русской литературы имя Сергея Тимофеевича Аксакова занимает видное место.

Выдающийся мастер реалистической прозы, писатель, он в совершенстве владел тонким и сложным искусством изображения природы, был изумительным знатоком всех сокровенных богатств русского народного слова.

ISBN 978-5-4241-3333-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С. Аксаков, 2021

ТРИ КАНАРЕЙКИ

(Басня)

Какой-то птицами купчишка торговал,
Ловил их, продавал
И от того барыш немалый получал.
Различны у него сидели в клетках птички:
Скворцы и соловьи, щеглята и синички.
Меж множества других,
Богатых и больших,
Клеточка старая висела
И чуть-чуть клетки вид имела:
Сидели хворые три канарейки в ней.
Ну жалко посмотреть на сих бедняжек было;
Сидели завсегда нахохлившись уныло:
Быть может, что тоска по родине своей,
Воспоминание о том прекрасном поле,
Летали где они, резвились где по воле,
Где знали лишь веселия одни
(На родине житье и самое худое
Приятней, чем в чужой, богатой стороне);
Иль может что другое
Причиною болезни было их,
Но дело только в том, что трех бедняжек сих
Хозяин бросил без призренья,
Не думав, чтоб могли оправиться они;
Едва кормили их, и то из сожаленья,
И часто голодом сидели многие дни.
Но нежно дружество, чертогов убегая,
А чаще шалаши смиренны посещая,
Пришло на помощь к ним
И в тесной клетке их тесней соединило.
Несчастье общее союз сей утвердило,
Они отраду в нем нашли бедам своим!
И самый малый корм, который получали,
Промеж себя всегда охотно разделяли
И были веселы, хотя и голодали!
Но осень уж пришла; повеял зимний хлад,
А птичкам нет отрад:
Бедняжки крыльями друг дружку укрывали
И дружбою себя едва обогревали.
Недели две спустя охотник их купил,
И, кажется, всего рублевик заплатил.
Вот наших птичек взяли,
В карете повезли домой,
В просторной клетке им приют спокойный дали,
И корму поскорей, и баночку с водой.

Бедняжки наши удивились,
Ну пить и есть, и есть и пить;
Когда ж понасытились,
То с жаром принялись судьбу благодарить.
Сперва по-прежнему дни три-четыре жили,
Согласно вместе пили, ели
И уж поразжирили,
Поправились они;
Потом и ссориться уж стали понемножку,
Там больше, и прощай, счастливы прежни дни!
Одна другую клюнет в ножку,
Уж корму не дает одна другой
Иль с баночки долой толкает;
Хоть баночка воды полна,
Но им мала она.
В просторе тесно стало,
И прежня дружества как будто не бывало.
И дружбы и любви раздор гонитель злой!
Уж на ночь в кучку не теснятся,
А врознь все по углам садятся!
Проходит день, проходит и другой,
Уж ссорятся сильнее
И щиплются больше —
А от побой не станешь ведь жиреть;
Они ж еще хворали,
И так худеть, худеть,
И в месяц померли, как будто не живали.
Ах! лучше бы в нужде, но в дружбе, в мире жить,
Чем в счастья раздор и после смерть найтить!
Вот так-то завсегда и меж людей бывает;
Несчастье их соединяет,
А счастье разделяет.

А. И. КАЗНАЧЕЕВУ

Ах, сколь ошиблись мы с тобой, любезный друг,
Сколь тщетно мечтою наш утешался дух!
Мы мнили, что сия ужасная година
Не только будет зла, но и добра причина;
Что разорение, пожары и грабеж,
Врагов неистовство, коварство, злоба, ложь,
Собратий наших смерть, страны опустошенья
К французам поселят навеки отвращенье;
Что поруганье дев, убийство жен, детей,
Развалины градов и пепл святых церквей
Меж нами положить должны преграду вечну;
Что будем ненависть питать к ним бесконечну
За мысль одну: народ российский низложить!
За мысль, что будет росс подвластным галлу жить!..
Я мнил, что зарево пылающей столицы
Осветит, наконец, злодеев мрачны лица;
Что в страшном сем огне пристрастие сгорит;
Что огонь сей — огонь любви к отчизне воспалит;
Что мы, сразив врага и наказав кичливость,
Окажем вместе с тем им должну справедливость;
Познаем, что спаслись мы благостью небес,
Прольем раскаянья потоки горьких слез;
Что подражания слепого устыдимся,
К обычьям, к языку родному обратимся.
Но что ж, увы, но что ж везде мой видит взор?
И в самом торжестве я вижу наш позор!
Рукою победа, мы рабствуем умами,
Клянем французов мы французскими словами.
Толпы сих пленников, грабителей, убийц,
В Россию вторгшись, как стаи хищных птиц,
Гораздо более вдыхают сожаленья,
Чем росски воины, израненны в сраженьях!
И сих разбойников — о, стыд превыше сил, —
Во многих я домах друзьями находил!
Но что? Детей своих вверяли воспитанье
Развратным беглецам, которым воздаянье
Одно достойно их — на лобном месте казнь!
Вандама ставили за честь себе приязнь,
Который кровию граждан своих дымится,
Вандама, коего и Франция стыдится!
А барынь и девиц чувствительны сердца
(Хотя лишились — кто мужа, кто отца)
Столь были тронуты французов злостью,
Что все наперерыв металось с утешеньем.

Поруганный закон, сожженье городов,
Убийство тысяч, сирот рыданье, вдов,
Могила свежая Москвы опустошенной,
К спасенью жертвою святой определенной. —
Забыто все. Зови французов к нам на бал!
Все скачут, все бегут к тому, кто их позвал!
И вот прелестные российские девицы,
Руками обхватясь, уставя томны лица
На разорителей отеческой страны
(Достойных сих друзей, питомцев сатаны),
Вертятся вихрями, себя позабывают,
Французов — языком французским восхищают.
Иль брата, иль отца на ком дымится кровь —
Тот дочке иль сестре болтает про любовь!..
Там — мужа светлый взор мрак смертный покрывает,
А здесь — его жена его убийц ласкает...
Но будет, отвратим свой оскорбленный взор
От гнусных тварей сих, россиянок позор;
Благодаря судьбам, избавимся мы пленных,
Забудем сих невежд, развратников презренных!
Нам должно б их язык изгнать, забыть навек.
Кто им не говорит у нас — не человек,
В отличных обществах того не принимают,
Будь знающ и умен — невеждой называют.
И если кто дерзнет противное сказать,
Того со всех сторон готовы осмеять;
А быть осмеянным для многих сколь ужасно!
И редкий пустится в столь поприще опасно!..
Мой друг, терпение!.. Вот наш с тобой удел.
Знать, время язве сей положит лишь предел.
А мы свою печаль сожжем в сердцах унылых,
Доколь сносить, молчать еще мы будем в силах...

Москва.

Сентябрь, 1814.

ПЕСНЬ ПИРА

Вслед один другому
Быстро дни летят;
К берегу так морскому
Ветры — волны мчат.
Младость пролетает,
Как веселый час;
Старость догоняет
Скорым шагом нас.
Истошим утехи,
Пресытимся всем;
Радость, игры, смехи,
Множьтесь с каждым днем.
Насладившись мира,
Так с него уйдем,
Как с роскошна пира,
И потом — заснем.

«За престолы в мире...»

За престолы в мире
Пусть льют бранну кровь;
Я на тихой лире
Буду петь любовь.
Не любя на свете,
Лучше умереть.
Есть ли что в нас злее
Друг друга губить,
Есть ли что милее
Пламенно любить.
Не любя на свете,
Лучше умереть.
В юности ль прелестной
Должно тигром быть?
Нет! Творец небесный
Создал нас любить.
Не любя на свете,
Лучше умереть.
Сладких восхищений,
Счастия богов,
Райских наслаждений
Ты творец — любовь.
Не любя на свете,
Лучше умереть.

«Юных лет моих желанье...»

Юных лет моих желанье
В годах зрелых не сбылось,
Непременное мечтанье
Как мгновенье пронеслось.
Я мечтал, что с другом нежным
Буду время проводить;
Буду в горе неизбежном
Сердце с ним мое делить.
Я мечтал в любви страстной
Чашу восхищений пить
И с подругою прекрасной
Небо в зависть приводить.

«Вот родина моя...»

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!..
Вот благодарная оратаю земля!
Дубовые леса, и злачные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!
Вот горы, до небес чело свое взносящи,
Младые отрасли Рифейских древних гор,
И реки, с пеною меж пропастей летящи,
Разливом по лугам пленяющие взор!
Вот окруженные башкирцев кочевьями
Озера светлые, бездонны глубиной,
И кони резвые, несчетны табунами
В них смотрятся с холмов, любяся собой!..
Приветствую тебя, страна благословенна!
Страна обилия и всех земных богатств!
Не вечно будешь ты в презрении забвенна,
Не вечно для одних служить ты будешь паств.

ПОСЛАНИЕ К КН. ВЯЗЕМСКОМУ

Перед судом ума сколь, Вяземский, смешон,
Кто, самолюбием, пристрастьем увлечен,
Век раболепствуя с слепым благоговеньем,
Считает критику ужасным преступленьем
И хочет, всем назло, чтоб весь подлунный мир
За бога принимал им славимый кумир!
Благодаря судьбе, едва ль возможно ныне
Всех мысли покорить военной дисциплине!—
Я чту в словесности, что мой рассудок чтит.
Пускай меня Омар и рубит и казнит;
Пускай он всем кричит, что «тот уж согрешает
И окаянствует, кто смело рассуждает».
Неправда ль, Вяземский, как будет он смешон,
В словесность к нам вводя магометан закон?
Священный Весты огонь не оскорблю сравненьем
Сего фанатика с безумным ослепленьем.
И что за странна мысль не прикасаться век
К тому, что написал и славный человек?
И как же истины лучами озаримся,
Когда поклонников хвалами ослепимся?
Наш славный Дмитриев сказал, что «часто им
Печатный каждый лист быть кажется святым!»
Так неужели нам, их следуя примеру,
К всему печатному иметь слепую веру?..
Ты скажешь, Вяземский, и соглашусь я в том:
«Пристрастие, вода защитника пером,
Наносит вред тому, кого он защищает,
Что лавров красота от лести померкает!
Ответ ли на разбор — *сатиры личной зло,*
Хоть стрелы б увивал цветами Буало?..
Лишь может истина разрушить ослепленье,
Лишь доказательства рождают убежденье».
Так, Вяземский, ты прав: презрителен Зоил,
Который не разбор, а пасквиль сочинил
И, испестрив его весь низкими словами,
Стал точно наряду с поденными вралями!
О, как легко бранить, потом печатать брань
И собирать хвалы, как будто должну дань!
Легко быть славиму недельными листами,
Быв *знаменитыми* издателей друзьями;
Нетрудно, братскою толпой соединясь,
Чрез *рукопашный бой* взять приступом Парнас,
Ввести самовластие в республике словесной,
Из видов лишь хвалить — хвалою для всех бесчестной,